

КАзанское
ЛИТературное
КАфе

КАЛУТКА

Вып. 1 / 2016 год

Поэзия

Казань, 2016

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)-5
К 17

Калитка. Вып. 1 / 2016 год. Поэзия / Составитель Э.Р.Учаров; редактор Г.И.Булатова; консультанты О.Г.Исаева, Г.С.Дюльдева / Под общей ред. Р.Н.Исмагиловой – Казань, 2016. – 64 с. – (библиотека казанского литературного кафе). Тираж 100 экз.

Открывшееся в 2015 году, казанское литературное кафе Центральной библиотеки, получившее название «Калитка», стало местом интересных творческих встреч с поэтами, прозаиками, филологами, журналистами, художниками, философами, редакторами литературных изданий и т.д. Только за полгода здесь было проведено около 40 вечеров с участием литераторов из других городов, таких, например, как Москва, Кострома, Елабуга, Набережные Челны и др.

Первый выпуск «Калитки» знакомит с творчеством 15 известных казанских поэтов, авторами разных стилей и форм самовыражения.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Калитка – звук не пустой, да и выросший не на пустом месте. Здесь, где зародился этот звук – в Центральной библиотеке на Вишневого – центр тектонического разлома поэтических эпох.

Спуститесь по улице вниз – и вы уже в Горловом кабаке завтракаете вместе с Пушкиным.

А если повернёте от библиотеки налево – через проулок окажетесь на Второй горе у дома вечного председателя земшара Хлебникова.

Пойдёте через Аксёновский сквер мимо Чеховского рынка – увидите Варваринскую церковь, где был крещён двухнедельный Заболоцкий.

Если у Чеховского рынка опять свернёте налево – попадёте в Лядской сад, на углу которого расположена усадьба Боратынских, а в самом саду эклектично высится памятник Державину. Это улица Горького. Через квартал отсюда – в подвале нынешнего музея имени себя Алексей Пешков пёк хлеб.

Все это очень рядом, в десяти-пятнадцати минутах прогулочного шага от Центральной библиотеки.

Топонимы подпитывают пространство. Книги посылают знаки. Люди дарят слово, а значит – начало всего, что есть. Не случайно на разломе времён в лихие 90-ые здесь пульсировал и звучал на разные голоса литературный салон «Синяя корова».

И вот теперь появилась новая точка сборки для всех творческих сил: «Калитка» – казанское литературное кафе, приросшее уже новыми поэтическими именами и звуками.

Звуки эти не умирают. Голоса поэтов, перекликаясь друг с другом, гуляют по коридорам и залам библиотеки и просятся в свою книгу...

Это первый выпуск собственной ежегодной литературной серии «Калитки».

Хочется надеяться, что всё только начинается...

Эдуард Учаров

Альбина АБСАЛЯМОВА

Член Союза писателей РТ и Союза российских писателей. Лауреат премии «Триумф». Главный редактор журнала «Идель». Автор семи поэтических и историко-биографических книг, а также ряда выставочных проектов, реализованных в Музее-заповеднике «Казанский Кремль».

* * *

Там, на двенадцатом этаже,
Пальцем водить по стеклу.
Думать: зима наступила уже
Или молчит в углу?

«Как там, пора заявлять права
Или нельзя пока?
Может, ещё – разгуляй-трава,
Не-замерзай-река?»

Может, пускай этот город сер,
Не убелён почти?
Может, не стоит из высших сфер
Снег на него трясти?..»

Глупость. Подстрочник. Эскиз. Канва.
И – по стеклу – рука:

«Пусть гололёд. Замерзай, трава,
Не шевелись, река».

* * *

и вдруг – «штормовое предупрежде...»
а я и не знала, что он – везде.
во всём этом ветре, буране, внутри,
смотри: не смотри, не смотри, не смотри.

ну что там увидишь, когда метёт,
когда штормовое, и всюду – лёд,
точнее, снег, то есть разом – всё.

и не спасёт тебя, не спасё...

* * *

Там, над моей головой, в вышине,
Праздник. Курбан-байрам.
Это так явственно видится мне,
Будто я тоже там.

Это в Татюнках, в деревне, стол,
И на столе – катык.
И занавески льняные в пол,
И за окном – арык.

Бабушка ставит на стол чак-чак,
Мёд, катламу, лапшу.
Гости спешат, ускоряют шаг...

Я им рукой машу.

Татарское кладбище

Дедушке

Монет было много, едва умещались в ладошке,
А их – ещё больше, сидящих у тёмных оград.
А мне так хотелось ичиги – цветные сапожки,
И очень хотелось узнать, кто такой конокрад.

Шайтан обещал не шалить, говорила бабуля,
Молитвенник старый меня от шайтана спасал.
Но всё ж иногда мне казалось: меня обманули,
И он может взять и пробраться – и в спальню, и в зал.

Огромная серая книга, увы, не читалась,
И бронзовый дед всё смотрел не на внучку, а вдаль.
И женщина в белом у входа тревожно прощалась,
Но слёз не роняли, а просто застыли

глаза, как миндаль.

Татарская слобода

Не кончайся, живая вода,
Не теряйся, не тай слобода,
Погоди, погоди истончаться,
Оставайся такой, как всегда.

Пусть тропинки уводят в кусты,
Полумесяц сменяет кресты,
Деревянные ставни щебечут,
И окошки сияют, чисты.

Пусть белеет березья кора,
Запах хлеба летит со двора,
И мальчишки от счастья смеются,
И поют соловьи до утра.

Не кончайся, живая вода,
Не теряйся, не тай, слобода,
Погоди, погоди истончаться,
Оставайся такой, как всегда.

* * *

Там, на Казанке, всё ещё рыбаки.
Чем-то их манит этот некрепкий лёд.
А у меня – самолётик, кораблик, оба они легки,
И хоть один до тебя долетит-доплывёт.

Вот самолётик. С ним-то, вообще, легко.
Прямо и только прямо, и там, у самой воды
Маленький крюк направо. И в руки твои легло
Судно воздушное с ёмким названием «ты».

Или кораблик. По речке, протоке, ручью
К озеру мчится, видишь – быстрее, быстрее.
Ты уж поймай его – крейсер с названием «you»,
Бодро прошедший речку, протоку, ручей.

Тимур АЛДОШИН

Род. 31 марта 1961 года в Казани. Лауреат литературной премии имени М.Горького. Публиковался в журналах: «Новая Юность», «Октябрь»; антологии «Нестолничная литература».

* * *

Полон листвой, как оставленный короб,
туес безропотный берестяной,
Прошке весёлому скажет Суворов:
я над тобой, а Господь над страной.

Бог чердаков и заумных медвяниц,
Бог заушений и крестных гвоздей,
Угличский Боже воров и пианиц,
Боже созвездий, приливов, людей –

Бари Краильсы сверкающий Боже!
Дай нам не плакать над этой страной –
съёжившись, тихо свернуться, как ёжик,
в короб оставленный берестяной.

* * *

Ну вот, и я говорю о том же
под летней крышей из тёплых звёзд –
об этом длинном усатом бомже,
что ночью в наших дровах замёрз.

Он свой пузырь не допил, оставил,
хотя тянулась в снегу рука.
И, не нарушив старинных правил,
мы помянули его слегка.

Потом пришёл милицейский «газик»,
и мент ещё обложил бича,
что, мол, нарушил дежурство в праздник,
и ты сцепился с ним сгоряча.

Потом я вынес бутылку водки,
и тем исчерпан был ваш конфликт.
Потом мы в комнате, будто в лодке,
качаясь, плыли, и будто в лифт,

дрожа, валилися огонёчки
дрожащей ёлки, и всё путём,
и все мы радовались отсрочке:
когда-нибудь – не теперь! – пойдём.

И были танцы, и всё такое,
и «Все там будем!» – сосед кричал,
а мне вопрос не давал покоя:
чего ж он в двери не постучал?

А постучал бы – и не открыли:
немало бродит, не он один.
И Бог с ним, в общем: его зарыли –
и нас заруют, закон един.

Ну вот, и я говорю о том же –
всё достается своим трудом.
С чего я вспомнил об этом бомже?
Да нет, никто не стучался в дом.

* * *

Утро. Собака сидит на дереве.
Это неправильно, чёрт возьми!
Чего она, спрашивается, там делает?
Жалобный взгляд говорит: «Сними!»

Лезла за кошкой, и было здорово,
вдруг провалилась в туман луна –
и вот, очнувшись, в платье разорванном,
скована с веткой, дрожит она.

Лезу, хоть сам не умею, выше всё,
дуру снимать, что сидит, скуля, –
вдруг ощущаю, как валко движется
страшным волчком подо мной земля!..

Где же собака? Сижу на дереве,
мокрые пятна коры обняв...
«Что он там, собственно, утром делает?» –
это, наверное, про меня.

Лезут спасать. Всё мокро от осени.
Вдруг просыпаюсь, как от толчка:
кто же их всех теперь снимет, Господи,
с башни летящего вкривь волчка?!

Толстой

Старец звал себя Лёв на старинный манер,
ставя в жизни все точки над «ё».
Выходил босиком не на галльский пленэр –
на российское наше жнивье.

Он считал, что поэзия вроде конфет –
а важней для избы пироги.
И за то, что помещик хороший был Фет,
Лёв стачал для него сапоги.

Жить стихом, говорил, как вприсядку пахать –
неприлично серьёзной судьбе.
И Шекспиру сего не простил он греха,
и не взял его в братья к себе.

Как большую купюру, проверил на свет
ловким мастером сделанный мир –
и, отбросив фальшивку, ушёл, как Поэт,
и погиб, как шекспировский Лир.

Клетка плоти для львиной повадки тесна:
«Насмотрелся я в вашем плену!»
Вышел в небо – а в небе не мир, но война...
И вздохнул, и пошёл на войну.

Тютчев

Как хорошо сказал поэт,
мысль изречённая есть ложь, но
не извлекать её на свет,
как зуб болящий, – невозможно.

Поэтому, дружок, реки
остановленное мгновенье –
как корень с кровью, извлеки
из сердца формулу забвенья.

Музыку разнимай, как нож,
уменьем умного металла
боль жизни превращая в ложь
словес – чтоб мучать перестала.

Живых

Сибирская фамилия: Живых.
Начальник орудийного расчёта,
он не боялся бога и ни чёрта,
ни танковых ударов лобовых.

Не прятал от солдат свой допшаёк,
не лез в окоп, когда в крестах был воздух,
подбадривал: «В Берлине будет роздых,
и Катя нам про ласточку споёт!»

...Не лапал кобуры, волком не был,
когда упала санинструктор Катя,
лишь пнул ногою фрица в маскхалате,
и к остальным сестричку положил.

Один последний выпустил снаряд,
и вышел встречу пехоте с автоматом,
в любви Отчизне признаваясь матом, —
и приняла его земля своя.

...Поверх позёмки завихрений злых
шли ангелы в простреленных шинелях...
И павшие живели и живели,
и улыбался, видя их, Живых.

Лоренс БЛИНОВ

Род. в 1936 г. Композитор, философ, поэт, педагог. Основатель и руководитель казанского андеграундного поэтического объединения «ПоСоХ» (Поэтическое Сообщество им. В. Хлебникова, 1973 – 1985 г.). Автор книг стихов «Наведение мостов» (М., 2005), «Три мира» (М., 2007), «Из ПО+. Стихостаси» (М., 2015).

Триптих первый

1. Чарзор

Прозрачный лес застыл в оковах
суровой сумрачной зимы.
Ни инея, и ни сугробов,
боргус и ни – ничьей вины.

Ни вечин чин, и я – ениен,
и мизон чар, и взоры муз.
И нов узор. Силен сарзые.
А в око выл чарзор ворус.

2. Бын

Он лежал сияннолúче –
искренний, как шимпанзе,
Если бы не этот случай,
не пролочь ему уже.

Ленч – ежу. А Далю – дали.
Жулечане – жулячей.
Бился бын. И не туда ли
созен ми тунхоз очей?

Нет, не лечь ечани в лаче –
чомони желали ночь.
Ныби чаяли поклачи,
тени ны, как лахи, – прочь.

3. Как всегда

Стужа – úже всё и úже;
кружится и кружит *зонь*.

Жуажут уже снаружи –
впросолонь, а не впросонь.

Не закинуть сети в нети –
йети таен и далён.
Колосор ещё заметен,
но *сорквен* – тужаужон.

Туже взор. Сияют ружи.
Журтозан – тизуркиязн.
Жаждут журансежа души.
Та же стужа. Тот же – аз.

Интермедия I

Узок язык –
Боли и молнии!
Музыка, ты –
Воля безмолвия.
Узы. Азы.

Второй триптих

1. Раскрывая рояль

Забудь, забудь,
        что ты в ночи
укрыт квартирой безмятежной –
ты видишь: тонкие лучи
страницы нотной
        дышат бездной!

Шагнуть –
        и как из-за угла
сразит вдруг неземною мукой...
Вся музыка теперь порукой –
меж нами тайна пролегла.

2. Октоль

– До восьми. Не более того, – она сказала.
Когда ж это было? – «До восьми».

...Ни боли, ни того зала,
где оно звучало, – это **ДО**
и вся музыка эта;

ни той ДОроги, ни куста того,
где мы стояли
и где она сказала тихо:
– ДО возьми. Не более того.

3.

Под небеса взметнулся поезд.
Дуга за насыпью легла.
В мятущуюся даль угла
слились огни, не успокоясь.

Медведицы небесной кость
дышала жаром интеграла,
и радуга слегка играла,
и вдаль созвездие несло.

Весь мир движением объят!
Блестя на стреле единства,
миг – в бесконечность устремлён.

И в дебрях мозга рыщет зверь.
И сердца трепетная дверь
тончайший источает яд.

Интермедия II

Я видел два валуна на берегу.
Они понимали друг друга с полуслова.
И понимала их – волна.

И я подумал:
как же далеки,
как далеки мы всё же
друг от друга!

И как далёк он –
этот берег.

Последний лист

Осенí меня, óсени лист.
Осенí меня сном и свободой.
Осенí своей тихою одой,
морозящей судьбы пианист.

Осенí светом солнца в прожилках,
лёгким отзвуком давних надежд.
Знаю: трудно считать старожилом, –
кто так ветрен в листве и промеж

этих листьев, и этих падений,
этой жаждой истлеть до конца! –
между медленным жаром прозренья
и – внезапным ледком у крыльца.

Ты мгновенен. И – всё-таки – вечен!
Вечен твой обнажённый полёт –
и тогда, когда светом отмечен,
и тогда, когда иней падёт.

...Осенí меня инеем писем –
тех, что, может, меня не найдут.
Первый снег будет чист, независим.
Ровно не было этих минут.

Послудия

Как Вещь сквозь кувырканье граней
внушает вечность бытия,
так я – тем больше постоянен,
чем более изменчив я...

Мне не вместить себя – в себя,
как луч – не спрятать во Вселенной:
весь мир являя плотью брэнной,
мне душу в ней укрыть нельзя...

И ни на миг не удержать
скользящей истины мгновенье!
И всякое стихотворенье –
преображения печать.

Галина БУЛАТОВА

Поэт, переводчик, редактор-составитель (в т.ч. книг казанских поэтов Ивана Данилова «Птица долгой зимы», Гавриила Каменева «Избранное», сборника «Казанский объектив-2015» – совместно с Эдуардом Учаровым). Стихи и переводы публиковались в региональных, российских и зарубежных изданиях. Лауреат международного поэтического конкурса Премии им. Игоря Царёва «Пятая стихия» (2015).

Прибалтика

Я помню, поезд плыл морозной ночью...
Студенческая братия Самары,
точнее, Куйбышева, сессию окончив,
вперёд состав весёлый разгоняла.
В Москве мы день гуляли по Арбату
(и где ты ныне, фантик эскимо?),
да так, что от сапог ушла подошва –
я новые себе купила в ГУМе.

Куратор, седовласая еврейка,
везла своих девчонок поклониться
святыням Минска, Бреста и Хатыни –
остались в памяти обугленные стены,
и колокол, и каменные слёзы...

Но нас ждала Прибалтика – кусочек
другого мира, странного немного,
звучащего нелепо, но прекрасно,
как узких улочек готический мотив.
И Каунас, и Клайпеда, и Рига
сплелись в моём сознании, подобно
трём стрелкам потревоженных часов,
когда заходишь в лавку антиквара.
Казалось бы – уже ушло их время,
но шестерёнки крутятся в тебе.

Два белых лебедя, похожих на скульптуры,
царящих в тёмных водах зазеркалья
в короне белоснежных берегов.
Музей Чюрлёниса, и музыка, и волны,
симфония воздушных пузырьков,
зелёное, слоистое, чудное...

Другой музей – название я помню,
но называть не хочется, поскольку
просила мама словом не играть,
а дедушка подшучивал над ними
и рисовал, бывало, на газете
их морды, и копыта, и рога...

Летящие высокие ворота
(за петушком ли золотым на шпиле?) –
и Домский ригорический собор,
где я орган услышала впервые,
держась за восхищённые колонны...

...И узких улочек готический мотив...

Ветрами просолённая Паланга,
следящая холодными глазами
за Эгле, королевою ужей.
Так ветрено, что бронзовое платье
готово улететь из рук её...

Балтийский берег Куршского залива –
заснеженное тусклое светило
боится, видно, выпустить лучи:
не разбудить бы море ненароком.
На берегу напрасно мы искали
осколки золотого янтаря –
конечно, он давно уже разобран
неисчислимым полчищем туристов...
Зато мы увозили в пухлых сумках
чудесный прибалтийский трикотаж
и посвящённых после узнавали
по их жакетам, юбкам и платкам...

Но был ещё и старый добрый Вильнюс,
ведь только здесь могла бы я увидеть
величественный маятник Фуко,
непогрешимодвигающий в лузы
тяжёлый шар, сияющий, как солнце
над мраморным песочным циферблатом.

...Легко и точно двигаются стрелки
старинных потревоженных часов.
Казалось бы – уже ушло их время,
но шестерёнки крутятся в тебе...

Волга, Вятка, Ока и Кама...

Волга, Вятка, Ока и Кама – вот четыре родных сестры.
Между этими берегами пращур мой разжигал костры.
Волховал, приговорясь к севу, и поглаживал оберег,
Чтоб вовек родовое древо пило воду из этих рек.
Чтобы бьющийся слева бакен направлял бы уключин скрип,
И горел бы огонь прабабкин и прадедов на спинах рыб.

...Начинала цвести ясколка, разливался в лугах апрель,
Лучше няньки качала Волга лодку – мамину колыбель.
Знали слово «война» с пелёнок, но хранил беззащитных Бог,
И от «воронов» да воронок он судёнышко уберёг, –
Только омуты да стремнины, но недаром родня ждала:
Скоро доктором станет Нина, будет новая жизнь светла.

...Вечный зов соловьиной Вятки, зачарованный край отцов:
Здесь писал угольком в тетрадке душу русскую Васнецов.
Здесь грозила судьба расстрелом в сорок первом за колоски...
По сестрёнке, навеки в белом, плакал Ванечка у реки...
И остались они живые, целых пятеро, мал мала...
Славный врач из Ивана выйдет, будет новая жизнь светла.

...Первый скальпель, уколы, грелки и родительский непокой:
Это я родилась на Стрелке, между Волгою и Окой.
Если есть у свободы запах, это запах родной реки.
Напиши-ка, смеялся папа: *наши с Вятки-де вы с Оки.*
Вслед за мамою ехал Грека через реку, а в реке рак,
И молочными были реки, и кисельными берега...

Утка в море, хвост на заборе, Волга зыбает корабли,
В Жигулях Жигулёвским морем нарекли её журавли,
Натянув тетиву рассвета на Самарской Луки изгиб, –
Это красное пламя ветры зажигают на спинах рыб,
Это посвист далёкой Стрелки, что почувствовал печенег
По вибрации крупных, мелких – всех впадающих в Каму рек.

«Ты – река! И теперь ты – Кама!» – крикнут белые берега.
Может, это такая карма? Может, это одна река?
Может, это игра течений? Может быть, по воде круги –
Многоточия изречений той одной, родовой реки?
...Волга, Вятка, Ока и Кама, – и шепотью ведомый перст
На груди четырьмя штрихами, как судьбину, выводит крест.

В зените

У кромки леса, бегущего с горки вниз,
Где Волгу переплывает июнь в зените,
Там травы по-комариному налились
Звенящей кровью молоденькой земляники.

Поди угадай, мы чьих голубых кровей,
В каких земляничных безднах однажды сгинем...
Так ящеркой чья-то жизнь промелькнёт в траве –
А светлый след останется в небе синем.

Имена

Казанскому поэту Ивану Данилову (1941 – 2010)

Да, мы любуемся дерзкими,
которые здесь и сейчас,
которые с возраста детского
тянут на силача.
Отмеченные медалями
и звёздами всех мастей,
которые зажигали мы
от искры на бересте.

Но будет что на поверку,
когда отгорит, отойдёт
прекрасными фейерверками
украшенный небосвод?
Какою горькою пылью
осядут их имена
на творческом изобилье
во всякие времена?

Хоть я не из той породы –
мне ближе упрямый труд,
я знаю, славные годы
сами меня найдут.
Между любовью и болью,
где-то на склоне лет,
звёзды крупною солью
лягут на мой хлеб.

Нури БУРНАШ

Наст. имя – Искандер Абдуллин; родился в 1975 г. Литератор, преподаватель, публицист. Закончил филфак КГУ. Автор двух поэтических книг и многочисленных публикаций в СМИ. Член Союза российских писателей, участник фестивалей.

Шамбала

Мы, жители Шамбалы, тайной страны,
мельчаем в панельных ашрамах, но сны
нас делают выше;
мы сами себе не рабы, не цари,
а царь наш – Сучандра, как мы говорим,
пока он не слышит.
В часы медитаций уйдя далеко,
брахманы постигли, что нет ничего
прекрасней свободы –
и, видя с мигалкой кортеж колесниц,
мы так же по-прежнему падаем ниц –
но дерзко и гордо.
Им, неприкасаемым, чернь застит взор.
Надсадно Сансары скрипит колесо,
вращаясь на месте.
Репризой не вытянуть старый сюжет,
ведь ставит до боли родной шамбалет
наш шамбалетмейстер.
Давно уже черви проели закон –
одну кама-сутру мы помним с пелён,
зато досканально.
Когда же нас ночью теснит пустота,
целительный чай отверзает врата
и гонит печаль, но
едва ли поможет священный отвар,
когда на заборе поверх старых мантр
лишь новые мантры.
Утрачено все искусство письма:
искусственным мозгом забиты дома
по самые чакры.
Луч солнечный редко доходит сюда
и часто такие стоят холода,
что ёжятся йоги.
К нам путь переменчив и скользок, как ложь,
а если случайно ты нас и найдёшь –
не вспомнишь дороги.

* * *

Ты хочешь крови Антиноя,
мой Одиссей?
Всех тех, кто был с твоей женою?
Желал быть с ней?
Всех, кто века, подобно сфинксам,
стерёг твой дом,
пока ристалищем Калипсо
ты был влеком?
Покуда ты, великий воин,
делил рабов,
шлем Гектора, его помои,
его коров,
мечи троянцев, их сандалии
их андромах,
пока циклопа шрифту Брайля
учил впотьмах,
пока делирий Телемака
бил наповал, —
проплавал ты свою Итаку.
Провоевал.

* * *

Кому-то надо обжигать горшки,
их выносить периодически,
и если ищешь средства от тоски,
то дети дома.
Ты мерил в рерихах любой тибет
и раньше так в больницах не робел,
не думал так о сути и судьбе,
а по-другому.
Как данность эту формулу прими:
«женат, воспитываюсь дочерьми»,
вели фондю им сделать, мон ами,
да что-то слуг нет.
Мучачо-мачо гонит свой харлей,
под ним дымит и плавится хайвей,
а впереди манящий свет огней
молочной кухни.

* * *

Что толку разгадывать древние руны руин,
когда есть декодер – криптограф идёт в портомой.
И ныне едва ли кто помнит, чей именно это логин,
проеденный молью на штопаных штофных обоях.
Распахнутый виндус и запах командной строки
прими, словно дождь, вдохновляясь мерцанием клавиш.
Признайся, ты раньше строчил ерунду от руки,
ты раньше строчил ерунду, а теперь набираешь.

Ок. Гоголь: где устаревший носитель сменить?
Уже оцифрована временем совесть и печень.
На внутреннем диске работает только delete,
и рад бы его удалить, но похоже, что нечем.
Что делать вне роуминга нам, облысевшим послам
почившей империи, помнящей слово «бумага»?
Гусиным пером по экрану черкнуть: азь воздамь –
и пить с денщиком в ожидании первого лайка.

Денис Осокин

В такт
двухстопному ямбу
уренгойского поезда
мой славный попутчик
мой пьяный язычник
без умолку тоскуя о загуле
токуя о тукае
вставляя бемоли ночных полустанков
в пустой нотоносец
густых проводов
обезоруживающе косится обаятельным глазом
на недосказанный
Степной аперитив
и улыбается
на шести славянских
и трёх угорских языках
Пластмассовый гусь
проплывая над Удмуртией
видит внизу
металлическую гусеницу
ныряющую в нору тоннеля
и понимает что поздно пикировать
и я

заворожённый ритмом
замороженный ямбом
понимаю не сразу
что среди языков моего собеседника
уже два часа
как нет русского

8 марта

Раз в год они встают с погоста ночью
И по весенней шествуют земле:
На Розе френч немного скособочен.
У Клары два засоса на челе.
Их шаг размерен, величав и сдержан,
Черты неотразимы и просты.
Они в пути встречают много женщин
И дарят им бессмертные цветы.
В руках у женщин дети да лопаты,
Мосты, почтамты, банки и т.п.
Они, увы, почти не виноваты,
Что победили в роковой борьбе.
На них одних, плечистых и здоровых,
Стоит теперь промышленность страны.
Они друг друга поздравлять особым
Решением ЦК обречены.
А их лихой защитник на карачках,
В ломбарде обналичив дребедень,
Тем часом пьёт в кустах в балетной пачке
И празднует свой первый женский день.

Елена БУРУНДУКОВСКАЯ

Поэт, музыкант. Родилась и живёт в Казани. Член Союза Татарстанских писателей с 1996 года. Автор книг стихов «Личные местоимения» (Казань, 1992), «Учебник жизни собственной пишу...» (ТКИ, 2004). Стихи публиковались в журналах «Студенческий меридиан», «Смена», «Казань», «День и ночь», «Идель», «Татарстан» и др.

* * *

Под обёрткой праздности и лени
Проступает времени герой,
Утомлённый в эту жизнь игрой,
Выросший на море по колени.
Он выходит рано из себя,
Не дождавшись утреннего чая.
Нет никто, чтоб утолить печали,
Ближнего и ближнего любя.
Выпадает дальняя дорога
И непобедимый никотин.
На площадке задней рядом с богом
Всё равно единожды один.
Пустошь неба упадёт на плечи,
Ёлочных огней зажжётся нимб.
Никаким призваньем не отмечен,
Путеводным ангелом храним.

* * *

Я хожу наизусть по дорогам минувших времён,
Ни любви, ни обиды, ни ревности не замечая.
И калёным железом кустарник попутный клеймён,
И осунувшийся водоём усыхает, мельчает.
Этот воздух потерь – не привыкнуть – как камень тяжёл.
Всё неправильно в мире устроено, непоправимо.
Белый свет в октябре неминуемо жёлт,
Неминуемо гол, и ничто ему имя.
Я живу наизусть. Мне знаком этот пагубный стиль
Запятых, многоточий, минут бесконечных молчаний.
Одиночеством полнюсь. И нет ничего за плечами.
Только небо болезненное, впалое сжато в горсти.

На ветрах

Ничего не имеет значенья.
Ветер слов пробирает насквозь.
От бессонницы нет излеченья.
Только жизнь, только смерть на авось.
Только дробь валерьяновых капель.
Октября нутряное тряпье.
Так снимают с кустарников скальпы.
Так прицепится старость репьем.
Не найти мироздания пружину
Заводную за мутным стеклом.
Солнце в тестовом греет режиме,
Об желток разбивая тефлон.
Осень, осень, картавая птица.
Кистепёрой рябины ожог.
Хорохорится всё, молодится
От ударов судьбы на прыжок.
Всё мгновенно меняется в лицах.
В небесах поселяется хворь.
Только необязательный длится
Бессловесный с собой разговор.

Без звука

Деревьям выключили звук
В коробке каменной Прокруста.
Заламывают кисти рук
До осязаемого хруста.
Не умещается в окне
Пассаж немой клавиатуры.
В театре вымокших теней
Герои встали на котурны.
Непозволительно скупа
Случайных капель аритмия.
Угадываешь по губам
Что нынче происходит в мире,
Над горизонтом плоских крыш.
И с удивленьем, и с восторгом
Свою вечерню отстоишь
Пред неохватным монитором.

* * *

Зверский воздух железной дороги
Рвётся в ноздри и в горле горит.
Без пробела печатает строки
и с вагоном вагон говорит.
Эта лестница до горизонта,
Полотна старомодный покрой...
Приснопамятный зов креазота
Будоражит лежалую кровь.
Только мчаться и мчаться, и мчаться,
Под собою не чуя колёс!
На просторах вселенского чата
Лунное молоко запеклось.
Дребезжащая сцепка стаканов
(Этот звук до печёнок проник!)
И попутных лесов истуканы.
И всевидящий спит проводник.

Ангел торговли

Под маской приличья беспамятный город
Морщинами алчных желаний изрыт.
Скульптурные позы базарных торговок.
Печальные лица загубленных рыб.

О, что ещё надо метнуть на прилавок,
На жертвенный этот, животный алтарь,
Чтоб горький твой умысел сделался сладок
И манною стала утробная гарь?!

Каким позабавить ещё лицедейством,
В отверстие кущи какие увлечь?
Но хватка железна, и некуда деться,
И к небу примерзла дарёная речь.

В панельных молекулах сонмы собратьев,
На скорую руку третируя снедь,
Отходят ко сну. И над ними объятья
Свои раскрывают нежизнь и несмерть.

Создатель забудет на миг об оплате,
Стирая заботы ладонью со лба.
И сядет в ногах в полинялом халате
Пропавшая девка, слепая судьба.

Колыбельная взрослому сыну

Спи, детёныш, коленками в стенку,
Спи, сыночек осьмнадцати лет.
Вон метнулся за шторами тенью
Из фантазий твоих звездолёт.
Не игра в поддавки, и не в прятки.
Всё реальней и радость, и боль.
Эти круглые детские пятки
И щетинка над верхней губой.
Завтра выпорхнешь снова из дома,
На планету свою улетишь.
И закрутит позёмка перрона,
Оглушит ненасытная тишь.
В этой крохотной ночи спрессован
Целый век. Спи, мой маленький, спи.
Из натруженных смотрят кроссовок
Зорко сторожевые носки.

* * *

Заматеревший лес рванёт навстречу,
Окажется со мной лицо в лицо,
Обдаст простоволосой, рыжей речью
И просеками рук возьмёт в кольцо.
Букет борщевика сухой протянет –
Живее всех живых, сердечней всех.
Бессмертных сосен инопланетяне
Процеживают негасимый свет.
Мы все – одной Вселенной население.
Одушевлённой тверди существа.
Уткнётся неразрыв-трава в колени
И не найдёшь – какие ей слова...
И не поймёшь, какая боль тревожит,
Какой присяге подчинён слепой,
Пока не ощутишь двужильной кожей
Фантомную к неближнему любовь.

Лилия ГАЗИЗОВА

Окончила Казанский медицинский институт и Московский Литературный институт имени А. М. Горького (1996), училась в аспирантуре Института мировой литературы РАН. Публиковалась в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь», «Нева», «Арион», «Интерпоэзия», «Современная поэзия», «Крещатик», «Зинзивер» и др. Автор нескольких сборников поэзии. Лауреат нескольких литературных премий. Организатор Международного поэтического фестиваля имени Н. Лобачевского (Казань, с 2011-го года) и Международного Хлебниковского фестиваля ЛАДОМИР (Казань-Елабуга, с 2012-го года).

* * *

Варежки должны быть белыми,
А сны – цветными.
В доме должны храниться
Граммфонные пластинки.
Хотя бы одна.

Стометровку нужно пробежать
Быстрее десяти секунд,
Шахматную партию
Проиграть гроссмейстеру.

Нитка в иголку не с первой попытки
Вдеваться должна,
Ключ от дома – то и дело теряться,
Никогда не кончаться день,
Хотя бы сегодня.

* * *

Папа не умел готовить.
Я тоже.
Он деньги мне давал,
И я шла в «Экият» обедать,
В кафе «Сказку», значит.
Меню за годы сложилось –
«Лапша куриная», «ёжики» и мороженое.
Официантки меня знали,
Уже и спрашивать перестали,
Что выберу.
А кафе было детское,
Взрослых без детей не пускали.

Однажды при входе
Одна красивая девушка мне рукой помахала.
Я подумала, что мы знакомы,
Мы весело проговорили с ней за обедом,
Хотя я так и не вспомнила её,
А спросить постеснялась.
Она была продавщицей
Из магазина «Детский мир».
Я даже подумала,
Не познакомить ли с ней папу.
И только через несколько дней поняла,
Что мы и не были знакомы.
Просто она хотела пообедать в «Сказке».
Девять лет мне было.
Странно, что помню.

* * *

Я не Холли Голайтли,
А ты не Рик Блэйн.
И не зови меня – Холли,
Растягивая и понижая голос
На «о».
Лучше никак не зови.
Знаю и так:
Всё, что ты говоришь –
Адресовано мне.
Ведь ты равнодушен ко всему,
Кроме меня.
А мне странно
Быть для тебя
Единственной радостью.

Мне предстоит
Выйти замуж не раз,
Купить несколько платьев,
Найти считавшейся потерянной
Старую семейную брошь.
А тебе...
Не знаю,
Что тебе предстоит.

Мы просто однажды
Перепутали сцены
Из разных фильмов.

* * *

И когда они (дети)
Уезжают куда-то (спортивный лагерь, архитектурный форум),
Начинаешь прибираться в их комнатах,
Где свалены в предотъездную кучу
(Оставлены за ненадобностью?)
Разнообразная одежда
(джинсы, майки и носки)
И книги (поменяли в последнюю минуту на другие?).
Взираешь на них
Не без грусти и нежности.
И уже не прибежешь к спасительному –
Алкоголю и никотину (брошены),
Чтобы отвлечься (забыться).
Никакая слеза не скатится,
Но особенно невыносимо (почему?)
Будет убраться с их письменных столов
Обёртки шоколада и фантики от конфет.

* * *

Зима начинается
С мыслью о ней.
Как старость,
Наверное,
В чём не уверена,
Но когда-нибудь
Точно узнаю.

Она начинается
На рассвете,
Когда просыпаюсь
От шороха
Листьев осенних.

Остаётся
Себя пережить
До весны,
А весной –
Снова
В осень вернуться.

* * *

В Линданисе
Есть камень-лицо.
Он лежит на пустынном газоне.
У него мешки под глазами
И улыбается рот.

Кем он брошен здесь?
От какой скалы-матери
Откололся?
О, камень-репатриант!

Как странно вдруг
Прийти в волнение
От камня,
Мимо которого
Я даже
Не проходила.

Один человек
Прислал мне
Его фотографию.

* * *

Дожди идут, как пленные солдаты,
Не в ногу, спотыкаясь и вразброд.
А я пока не чувствую утраты.
Неверие мне силы придаёт.

Дожди идут, взбивая пену в лужах
Своею нескончаемой тоской.
И мне должно от этого быть хуже,
Но жизнь течёт сонливою рекой.

И через год, не веря, не проверив,
Гляжу на ненадёжный водоём.
...Но за тобою не закрылись двери
Во сне. Мы там ещё вдвоём.

Вадим ГЕРШАНОВ

Казанский поэт-комбинатор. Родился в 1964 г. Окончил инженерно-строительный институт. Публиковался в журналах «Футурум Арт», «Дети Ра», «День и ночь», «Казань», «Номо Legens», «Зинзивер», «Другое полушарие», «Паровоз», «Чаян», в сборниках «ТЕРМИтник» (избранное), «А Роза упала НЕ на лапу Азора», Akzenty, «Пушкиноты», «Февраль», «Казанский объектив» и др. Лауреат премий московских журналов «Футурум АРТ» и «Дети Ра». Победитель конкурса «Четвероногая ворона-2015» в номинации «Комбинаторная поэзия».

Поэмпалиндромы

* * *

В оке – выдох света.
Казани мир.
Примета
Казани –
Нет тени на закате.
Мир, прими на закате восходы веков.

Ты, Мой Отче, мечтой омыт...

Ты – мой, Отче, мир!
Зрим тот вид и вит.
Чтив, иди в Тот Мир,
Зри, мечтой омыт!

Я и ты, бывшее, рок, ореолы бытия...

Я и ты. Бывшее, рок...
Омут – я. Ты – судия...
Я иду. Сытят умок
Ореолы бытия...

* * *

Шик уклада дал кукиш.

* * *

Вот и раб, и сын его, но гены – сибаритов!

* * *

Я вижу, мохито пили, по-тихому живя.

* * *

Толпой един идей оплот!

Чуток виснет ум. Как мутен сивко туч!

Туч аксиома – догмат.
Я попаду – Туда.
По пятам года мои скачут...

Отче наш, реву, верша нечто...

Отче наш, – реву,
чрево верчу,
верша нечто...

Поэзоомограммы

наднебомжизнизов

над небесами раж
возлетает
на дне беса мираж
во зле тает

над небом жизни зов
во спеси веет
на дне бомж из низов
в оспе сивеет

над небесами раж
на дне беса мираж
над небом жизни зов
на дне бомж из низов

* * *

Его загадка я –
егоза гадкая!

* * *

Сей фискал –
сейф искал.

не ваша тайна синевой

Нева, шатай нас и не вой!
Не ваша тайна синевой –
Нева – мгла голимая, вихри пения
Не вам глаголим, а яви хрипения –
Не сласти химерные,
Несла стихи мерные
Нева – мглу бить мыслила,
Не вам глуби тьмы слила...

Нева! Шум –
аж из низов!
Не ваш ум,
а – жизни зов...

о руси не вою...

кто по Руси гнал?!
к топору! – сигнал
иго родов
и городов
иго да мираж
и годами раж
воз лебеды
возле беды
идол годин
и долг один

иду, шаг реет
и душа греет
иду шалавой
и душа лавой
виновно чихает
вино в ночи хаает
и щупло дышу тих
ищу плоды шутих
явно, чахло маюсь
я в ночах ломаюсь

в огне весны
во гневе сны
я вижу тьмою
яви жуть мою

поэта жуть, матрас сыреет
по этажу тьма трассы реет
слов ноша тает
словно шатает
иго речи
и горечи

иду. хибары, шале – тают
и духи барыша летают
изгиб, ликование
и зги бликование
иду, мгла голая
и дум глагол, а я
ноября згой
ноя брюзгой
ору, синяя, в ночах ломаясь
о Руси неявно, чахло маясь

просторы чую
просто рычу я
ору, сирокочую
о Руси рокочу я
о Руси не вою –
ору синевою!

иду, шатает
и душа тает
иду, хмель тешит
и дух мельтешит
иду-рею
и дурею!..

Наиль ИШМУХАМЕТОВ

Родился в 1964 году в г. Магнитогорске. Член СП РТ (2009). Автор поэтического сборника «В поисках Неба» (Таткнигоиздат, 2014). Лауреат поощрительной премии им. Сажиды Сулеймановой (2011), всероссийской литературной премии «Родная речь» (2012). Стихи, рассказы и переводы печатались в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Наш современник», «Москва», «Юность», «Дети Ра», «Аврора» и др. Стихи переводились на татарский и украинский языки.

На субботнике

Из тюрбика свитера выдавив
Набитую рифмами голову,
Спешу за пикантными видами,
Терзаемый творческим голодом.

Дворы с тополиными чипсами,
Огромными жёлтыми хрусткими...
И клёны с прищепками-клипсами,
Канадскими – хрупкими узкими,
Щекастыми грузными – русскими.

Чернеется плоть абиссинская
В прорехах, кудрявые мумии
Роняют к ногам обессилено
Листочки, которые умерли.

Сгореть им в субботней кремации
Под спичи начальства речистого,
И дымом тугим подниматься им
Над нашими взмокшими спинами
До неба хрустально-пречистого
До солнца, осенними сплинами
В разрывы озона грозящего,
Зимою разящего холодом
Безмолвие города голого,
Втянув в горловину сквозящую
Озябшую рыжую голову.

В разгаре субботничек, множатся
Барханы с божественным золотом.
Корёжится жёлтая кожица,
Спекаясь в бесплодные зольники.

* * *

Ты могла бы родиться колонной
и жить припеваючи где-нибудь в ханском дворце,
восхищённые возгласы слушать
увидевших твой силуэт на парадном крыльце.

Минаретом родиться могла бы,
несущим прозревших слепцов
за границы всевластного страха,
по утрам возносить муэдзинов,
напевным азаном ласкающих ухо аллаха.

Ты могла бы...
но ты уродилась рабыней-прислугой-трудягой –
котельной трубой,
замерзающий город всю зиму следил с замиранием –
всё ли в порядке с тобой.

Коротка, словно память, июльская ночь –
вот и ты позабыта и каждым кирпичиком чувствуешь –
небо коптила зазря,
на притихший проспект из трахеи чахоточной
хлынула горлом заря.

* * *

По заросшим слезами отцовским зарубкам на соснах
ты крадёшься наощупь, марая ладони тягучей живицей,
а тропинка юлит,
натываясь на трубы артерий насосных,
иглокожим ужом норовит под циновку тумана забиться.

Сколько тропке в тумане ни виться,
конец тривиально-внезапен,
он всегда совпадает с началом подземных полётов...
Должно быть,
где-то в точке последней росы,
в предрассветном последнем ознобе
над тобой кольцевого затмения подсолнух
покатит на запад.

Равнодушный холодный цветок
унесёт победившие боли,
на земле оставляя земное –
опавший послед – и не боле...

* * *

Чёрные платица в белый горошек,
Белые платица в чёрный горох...
Сколько бы слов ни сказали хороших,
Вам не прожить без не сказанных трёх.

Рыжие белочки, солнышки жёлтые,
Чёрный косичковый ласточкин хвост...
Зря, что ли, сдуру за вами прошёл-то я
Тысячу пыльных кудыкиных вёрст?

Чёрные очи взгляните в зелёные,
Сочные губы прижмитесь к сухим...
Ах, отчего же сегодня влюблённый я?
Это всё химия, химия, хим...

* * *

непослушные пряди волос
намекали – вот бог вот порог
обмануться хотел
удалось
обогреться хотелось
продрог

паутинкою мятной слюны
затянулись морские узлы
полнолунием накалены
прогорали слова до золы

не возшло из золы ни одно
да и ты мне не снишься
и пусть
впереди беспробудное дно
где забуду тебя наизусть

* * *

Пока печаль моя светла,
покуда боль переносима,
шуми, шуми по мне, ветла,
дрожи, дрожи по мне, осина.

Покуда умирать не срок,
пока для жизни есть причина,
храни, храни меня, острог,
ищи-свищи меня, кончина.

Покуда тонок в сердце лёд,
пока в кармане зреет дуля,
сласти сласти, полынный мёд,
лети, лети, шальная пуля.

* * *

и можно рыдать взахлёб и взывать к богам —
что тяжек насущный хлеб, что не стал богат,
что чаша пустая — дом, холстяной очаг,
что горб ты нажил трудом да тоску в очах,
что кто-то живёт в Сочах, а тебе — Казань,
в которой зазря зачах, не успев сказать
о главном нетленном бронзовом золотом,
оставив на утро мудрое, на потом...

слезой не излечишь смертельный диагноз — жизнь,
дурашка, слезай-ка с печи, раззудись и держи
свой неба кусочек, татарский ты мой атлант,
да выдержат плечи, да не оскудеет талант...

* * *

Сергею Малышеву

утоли мои печали утоли
от вокзалов говорливых отдали

где на солнце будет радуга цвести
где сумею грусть от сердца отвести

тихим шелестом рябиновых ветвей
неизбывную тоску мою развей

здесь покой мой осенит сосновый крест
тише сельского погоста нету мест

Алёна КАРИМОВА

Поэт, переводчик. Руководитель ЛитО имени Марка Зарецкого при музее Горького в Казани. Заместитель глав. редактора журнала «Идель». Член СП РТ, СРП, Татарского ПЕН-центра. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь», «Юность» и др. Автор книг «Другое платье» (ТКИ, 2006) и «Холодно-Горячо» (ТКИ, 2015), лауреат литературной премии им. Горького (2007), премии Г.Державина (2016).

* * *

Н.Г.

«Привечай меня! – говорит золотая муза, –
я тебе воздам: анапестом и хореем»,
а во мне распускаются лепестки аруза
да чужая речь истомлённое сердце греет –
это солнце Азии колет в глазу соринкой,
поднимается войлочной юрты тяжёлый полог.
Там, где время движется медленно, по старинке,
там, где ночь холодна, а день непривычно долог,
пусть закат торжествует, горит, отворяет вены,
но всё дальше – навывлет – в степи, уходя от жажды,
совершается жизнь законно и откровенно.
Расскажи мне про город, где я родилась однажды.

* * *

сколько ни приноси решетом водицы
а не наполнится ею моё корыто
сколько небес ни проси невзначай влюбиться
нету любви есть лишь то что во тьме сокрыто
может быть до поры но скорей навеки
как написал бы какой записной романтик
но ничего дурного о человеке
не говорит застающий врасплох романчик
это лишь жажда куда-то глядит на выпас
стрелкой стремится магнитной дрожа и плача
вот потому обнимаешь меня подвыпив
и говоришь удача пришла удача

* * *

Il pleure dans mon coeur...
Paul Verlain

Уволь меня читать элегию твою –
я, знаешь ли, и так невесело живу:
пожухлую траву, премудрую сову
я вижу наяву
и свой мотив крою
в провинциальном сне
из бабочек и нег,
из камня из ручья,
а если будет снег,
то лишь затем чтоб скрыть
земли некрасоту,
крыжовник, и забор,
и собачонку ту –
ты помнишь рыжий мех
и детский карий взгляд?..
Я не люблю тебя так много лет назад,
так много лет вперёд –
не трудно угадать
что там произойдёт.
Уволь меня читать.

Считалка

поколдуй моя сова
вынь туза из рукава
чтобы при любом раскладе
не болела голова
счастье рядышком сиди
в лес волчонком не гляди
заплутаешь да растаешь
да ищи тебя поди
а у наших у ворот
снова старый новый год
всё поёт тебе не слушай
может всё наоборот
в чёрном белом не ходить
да и нет не говорить
это мы всего искусней
научились может быть

* * *

Как безмозглая рыба идёт на нерест,
повинуясь инстинкту, схожу с ума.
Не буди меня, календарный шелест,
пусть пребудет вечно зима-зима.
Ведь легко на уровне Эвереста
затеряться в небе под Рождество,
я люблю тебя до и после текста,
и не то, чтоб только лишь одного.
Многokrратно в зеркале отражаясь,
обернуться страшно, но полбеда.
Поклянись, что задумал лишь только шалость –
провожаю тогда тебя до звезды.

* * *

Ни одной у меня длины и ширина-то не вся:
дойдешь по шейку и вплавь потом, а по центру – мель...
Говорит, люблю тебя, не выеживайся,
открывай, говорит, мне список своих земель.
Сколько замков там, говорит, берегов и лугов и рощ...

Так ведь всё захапал злой маркиз Карабас.
Вот стою под небом, слушаю тихий дождь,
Вспоминаю, кто один меня не предаст.
Я не мышь, не кошь, не чего ты хошь,
а как есть река.
Ты не хмурь бровей, засыпай скорей
на моих руках.

* * *

Алфавит рассыпается вдруг, предстает дождём
или снегом, вернее, ведь буквы, хотя круглы,
коготками царапают кожу и в окоём
заключают пространство – все рёбра его, углы...

Хорохоришься, глупый: видали мы их финты –
эти руны, йероглифы, прочую тоже вязь!
Но вот если не близко, не рядышком я и ты,
только хрупкая их цепочка – меж нами связь.

* * *

Г.А.

осенний камень прямо говорящий
о холоде внезапно настоящем
о смертной и пророческой тоске
перед тобой дорога и дорога
среди полей легко расслышать Бога
когда висит судьба на волоске

и окна заколочены давненько
лежит сироткой эта деревенька
не удивясь случайным чужакам
на битых кирпичах дороги красной
стоит и смотрит путник несуразный
он о тебе грустит наверняка

* * *

Молодость проходит – это ладно,
ты найдёшь, чем жизнь украсить, Боже.
Ничего, что это безвозвратно –
всё на свете безвозвратно тоже.

Как герой эпических сказаний,
смотришь на восток перед восходом.
Только нету больше притязаний,
нечего тебе сказать народу.

Разве вот, что неба скат малинов,
что травы зелёной ждать полгода.
Этот зимний промежуток длинный
неспроста задумала природа.

Нету ни вина, чтоб отогреться,
ни какой-нибудь любви слёзной.
Замерзает маленькое сердце,
и большое так же бы замёрзло.

Сергей КУДРЯШОВ

Родился (1964) в Казани. Автор двух сборников стихов: «Теория непостоянства» (Казань, 2001) и «Человек из сна» (Казань, 2008). Публиковался в журналах «Идель», «Казанский альманах» и др. Живёт и работает в Верхнем Услоне. Член Союза российских писателей.

Я говорю

1.

Свирельный бог и козопас,
империй минувших обломок,
калиф, сгорающий за час,
ни зги не помнящий потомок,
предвестник тех и новых бед,
несущий горе и утраты,
наследник Пирровых побед
и тёмной славы Герострата,
я – тень, облекшаяся в прах,
я говорю, как Заратустра,
и губы сковывает страх,
и слово стиснуто до хруста.

2.

Я тру глаза свои до дыр.
Но где, от Оста и до Веста
он, тот, раскинувшийся мир,
в котором мне не будет места?
О как живучи были те,
что на полях столетья тиснув
свои шаги... и в тесноте,
уже над бездною повиснув...
За ними я, как выйдет срок,
в чертоги тех славян и древлян
уйду, запомнив эту землю,
навек затверженный урок.

3.

Скучна сомнительная ясность,
оставь советы, Айболит.
пусть голова болит, болит.
Я объясню тебе, изволь,

что доказует эта боль
её наличие на плечах.
Темна, как ужин при свечах
больная мысль, и разговор
сравним с ездою без рессор
по щебню битому дорог,
и болевой горит порог.
Мне дорога любая частность...

4.

Я говорю: какая ржа
разъела царственные стены,
что пенье оперной сирены
морей не режет, как межа?
Я говорю: какие стены
разъела царственная ржа? —
ржаное русло Иппокрены
в родстве со ржавчиной ножа.
Я говорю: ужо, жужжа,
повыбьют пули пыль из стены,
и жало мудрыя ужа
смешают с жабрами мурены.

5.

Да, да, люблю отчизну я.
Но тоже странною любовью:
с тягучей жвачкой бытия
её задумчивость воловью,
её медлительность,
её паучью глухоту,
её трескучие морозы,
её певучую мечту —
на крышку первой бросить розы —
с её уменьем насмешить.
И счастлив я: не мне, играя,
всю жизнь в Италии прожить,
сюда лишь с ужасом взирая.

Квintет на окраине

1.

Столько носишь в себе, что все полки души
так заставлены, что больше некуда ставить.
Проведя свою жизнь большей частью в глуши,
вдруг решишь, что и глушь жаль когда-то оставить.

Эту красную глину российских холмов,
эту белую известь обветренных сланцев,
это то, что с годами слагают из слов,
извлекаемых из ученических ранцев.

Обречённым любить это издавека,
оглянувшись назад, потихонечку трогай.
Все дороги, петляя, ведут в облака.
Облака торопливо плывут над дорогой.

2.

Я не стану плясать, припевая: эх-ма! –
как хмельной домово́й в смутный час новоселья.
Очень тонкие стены сходящих с ума
замечают по первым приметам веселья.

Постучи в мою дверь, о мечта моих грёз!
О, не верь никому, будто я с перепоею.
Я разбух от любви, я раздулся от слёз.
Постучи в мою дверь, может быть, я открою.

Воспалённой щекой прижимаясь к стене,
я восстану от сна, словно дух в новолунье.
И тогда, дорогая, как весело мне,
ты заметишь по первым приметам безумья.

3.

Нет, не прячься, любимая, в наш шифоньер.
В этой стружечной мебели мало величья.
О, не лучше ль игру на английский манер
довести до конца, соблюдая приличье?

Пусть твой самый хрустальный и хрупкий кувшин,
отскочив от моей головы, разобьётся.

Изо всех покорённых когда-то вершин
я останусь на той, что любовью зовётся.

Обозначены сумерки синим окном,
и жильцы без отрыва от жарких объятий
в темноту, как корабль отплывающий, дом
провожают согласным скрипением кроватей.

4.

Я охрип навсегда от своей немоты,
я навеки ослеп, обживая пространство.
Я уйду никуда или к людям, а ты –
ты туда же со мною пойдёшь из упрямства.

Это так, дорогая, но это абсурд!
Я придумаю тысячи новых религий!
Я колени твои возведу в абсолют
и швырну к ним миры и ржаные ковриги.

Но не нужно, любимая, красить фасад.
Мы сегодня с тобой никуда не поедем.
Если хочешь, зайдём в городской зоосад
и покажем друг друга слонам и медведям.

5.

Вот и сцена. В фойе замер третий звонок.
От заломленных рук веет мелким скандальцем.
Но и в театре порой, как актёр одинок,
замечает партер по изломанным пальцам.

Не помогут ему ни куриный бульон,
ни садист эскулап, провонявший карболкой.
Пусть уж лучше его отпоёт патефон,
безутешно рыдающий стёртой иголкой.

О, найдите в сём мире теней тех, кто б мог
разделить пополам эту боль, эту муку.
На земле никого. Между тучами Бог.
И он тянет такую ж беспалую руку.

Денис ОСОКИН

Родился (1977) и живёт в Казани. Выпускник Академического колледжа при Казанском университете и филологического факультета Казанского университета (кафедра истории русского языка и языкознания). Автор книг: «Барышни тополя» (НЛО, М. 2003); «Овсянки» (Колибри, Албука-Аттикус, М. 2011); «Небесные жёны луговых мари» (Эксмо, М. 2013). Сценарист игровых и документальных фильмов, среди которых: «Овсянки», «Небесные жёны луговых мари», «Ангелы революции» (режиссёр Алексей Федорченко). Лауреат литературных и кинопремий. Член Киноакадемии стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Европейской киноакадемии.

КАЛЕНДАРЬ

верхний услон

2013

верить календарю
так хорошо так мило.
вера календарю
утешит, подарит силы.
лето стекает с глаз.
безжалостны чаячьи хоры.
но есть календарь у нас –
ненаглядная точка упора.

*

в урнах после дождя
плещутся океаны.
дети календаря –
мы легки как панамы.
с пляжа всмотримся вдаль.
даль как всегда красива.
но есть у нас календарь.
мы верим в него. спасибо!

*

в нём говорится что
сегодня шестое мая.
это собственно всё
что знаешь ты и я знаю.
и сегодня георгиев день.
и зелень его молочна.
а через двадцать пять дней
лето наступит точно.

*

первого сентября
начинается осень.
это же просто ура.
это красивее сосен!
так поднимается вверх
радости шар надёжный:
верить календарю
так — наконец! — несложно.

*

первого декабря мы
ногу не сунем в тапку.
мы отправимся в лес
и лесу подарим шапку.
прихлёбываем — не пьём!
заедаем снежинкой.
а дома мы — с календарём.
как с новой швейной машинкой.

*

потому что пришла зима
и мы знаем об этом, к счастью.
и что двенадцатого января
день рождения насти.
вернёмся с балкона в дом
и календарь поправим.
мы помним об этом но
её саму не поздравим.

*

февральские дни нежны.
и – свёрнута зимняя карта.
первый месяц весны
откроется первого марта.
третьего марта в шапшах
на пригорке поют и пляшут –
праздник карга боткасы
или воронья каша.

*

как тепло нам с календарём
на улице рихарда зорге.
календарь календарь! под окном
проходит святой георгий?
выключен телефон.
тополь стену щекочет.
я верю тебе – а он
пусть идёт куда хочет.

*

и когда нам нужна вода
и когда нам друг нужен мудрый
и когда нам нужна еда
и пролёты над тундрой
и когда нам нужен фонарь
и нужно вылечить спину –
мы целуем тебя, календарь.
в самую середину.

reîntoarceala rădăuți

возвращение в рэдэуць

я приму румынское гражданство.
поцелую лапку каждой утке.
позвоню тебе – скажу что в парке
начался покос на незабудки.

я поставлю молоко на рельсы.
я приму румынское гражданство.
пограничник! ты в меня не целься
и усóm не шевели напрасно.

лучше встань торжественный, красивый,
просверкай погонями и пряжкой –
лучший, исчезающий, счастливый
пролечу я над твоей фуражкой.

я над прутом уроню надежды.
а одежды подарю сирету.
мои вены, крученые прежде,
расшнурую распущу по ветру.

над сиретом в сторону сучавы.
над сучавой в сторону теплицы.
тряпочки свои все сыплю справа –
в рэдэуцах мне не пригодится.

наконец-то мне удался праздник.
шапочки свои все сыплю слева.
моих лёгких каждый лёгкий шарик
катится легко, чуть ниже неба.

я приму! какой хороший город!
я тебя люблю! – и я приехал!
падает любимый тёплый холод.
на орешниках уж нет орехов.

я себя не вижу, буковина!
вижу сашу в длинной чёрной юбке.
сыплюсь на её платок и спину.
радуюсь её живой прогулке.

1995 – 2013

Филипп ПИРАЕВ

Поэт, прозаик, автор книги стихов «Угол взлёта» (Казань, 2015). Публикации в журналах «День и ночь», «Новая реальность», «Идель», «Графит», антологии «День поэзии XXI век. 2015/2016» и др. Автор перевода гимна республики Татарстан на русский язык.

* * *

Поскольку истина одна,
но правд неисправимо много –
не наша, в общем-то, вина,
что мы четвертовали Бога;
что разменяли красоту
на манифесты и каноны,
по эту сторону и ту
подняв потешные знамёна.

Не мы, а правды ходят в бой,
производя себя в кумиры,
оставив нам, борясь с судьбой,
жить в этом лучшем из размирий,
где сто веков огонь и дым,
зато всегда найдётся дело
и проходимцам, и святым,
и красным армиям, и белым;

где прав и врач, и костолом,
и мазохист, считая лишней
границу меж добром и злом...
и даже ты, когда твердишь мне,
помимо прочей чепухи,
что большей блажи нет на свете,
чем без конца кропать стихи,
в то время как семья и дети...

А я спокоен, как ландшафт –
пишу себе, стараясь высечь
из кремня слов одну из правд,
важнейшую из сотен тысяч.
А там – пусть, истиной не став,
сгорит она, как все, впустую.
Я существую, значит, прав.
Я прав, а значит, существую.

* * *

В провинции – восторг и благодать:
бездонно небо и прозрачны реки,
гудящих строек века не видать,
зато без них слышнее человека.

Хрустим редиской, пьём себе стишки,
настоянны на сосне и травах,
спасаясь от назойливой мошки
тщеславия и веяний лукавых.

Хотя и тут случается подчас
кому-то грешным делом захвалиться,
но даже одарённых из нас
не соблазнить надгробием в столице.

Здесь как-то всё родимей и светлей –
и плач звезды, и хохот непогоды,
и журавли над кротостью полей
понятны до сих пор без перевода.

И, выходя к берёзам на мороз,
легко согреться и душой, и телом,
поняв, что жизнь, увы, не без полос...
но всё же это – чёрные на белом.

Рыбак

Звёзды в небе, в воде и на том берегу.
Ты стоишь мимо Волги, впадающей в осень,
устремляя задумчивый взор к рыбаку,
что плывёт по течению, вёсла отбросив.

Он плывёт, как звезда – никуда не спеша,
вдоль оранжевых бакенов тысячелетий,
ни за дрожь ветерка в париках камыша,
ни за волны судьбы пред тобой не в ответе.

Он скользит меж миров, прикорнув у руля,
он застыл в фиолетовой точке покоя,
созерцая, как маленькой лодкой Земля
очарованно катится Млечной рекою.

* * *

По радио трещали о морозах,
шуршали вдоль домов кометы фар,
и был рассвет беспомощен и розов,
как в обществе прелестницы школяр.
Брело слепцом унынье по аллеям,
и, всхлипам расставания под стать,
слетали с губ созвучья и, немея,
озябшей стаей рушились в тетрадь.

А ты спала, доверив чуткий профиль
затейливому бризу покрывал.
И тикала судьба, и верный кофе
задумчиво на стуле остывал.
А ты спала и, возгласом крылатым
встречая восходящую струю,
парила, тайной радостью объята,
у холода Вселенной на краю.

Шептали стены и будильник плакал:
«Очнись, как можно спать, когда вокруг,
грозя бедой, как вражеский оракул,
колотят в бубны полчища заструг!»
И так частила, на пространство множась,
нахрапистая белая картечь,
что сковывала разум невозможность
тебя, закрыв собою, убережь.

Но ты – спала, лучисто и спокойно.
И слышалось в дыхании твоём,
что не всевластны немощи и войны
и не навек сугробы за окном.
И жвалы тьмы растрескивались где-то,
в труху забвенья тщась перетолочь
у вечных льдов, сжигающих планеты,
двумя сердцами вырванную ночь.

* * *

Я не искал причин, не исправлял ошибки
и не считал столбов, бежавших вдоль дорог,
но нежный клавесин и яростную скрипку,
как первую любовь, в душе своей берёг.

И пели мне они о юности и лете,
и были мне судьбой в наставники даны
закатные огни и васильковый ветер,
стенающий прибой и ангельские сны.

И пусть не дольше я, чем руны на асфальте,
и лягу в стылый прах рубиновым листом;
расскажет жизнь моя, как музыка Вивальди,
всю правду о мирах – об этом и о том.

* * *

Приснился небу странный сон,
где рыбы, выбравшись на сушу,
оделись в шкуры и виссон
и научили мыслить души.

Приснилась душам круговерть
интриг, побоищ и болезней,
в конце которой дура смерть
зияла гнилозубой бездной.

Тогда приснился людям Бог,
понятливый и воздающий,
включивший в бездне маячок
для возжелавших райских кущей.

А Богу снились времена,
когда, забыв о сне нелепом,
потомки рыб всплывут со дна,
шагнут в любовь и станут – небом.

* * *

Мне хочется, чтоб в небе кто-то был –
пусть непонятный и в обличье строгом,
но чтоб, когда мы обратимся в пыль,
и память нашу, и мечты сберёг он;

чтоб знать, что у души надёжный тыл,
когда её томит насущность хлеба...
и чтоб он нас хоть чуточку любил,
поскольку без любви – на что нам небо?

Рустем САБИРОВ

Родился в Казани в 1951 году. Член СП Республики Татарстан. Автор пяти книг прозы. Лауреат премии им. М. Горького и Г. Державина.

Птичий крик за окном

Валерию Трофимову

Птичий крик за окном так протяжен и жуток,
Крик безлунной ночи, потерявшей рассудок,
Крик, похожий на выдох шальной тетивы,
Крик, застрявший в сетях сумасшедшей листвы.

Это сон стародавний, разорванный в клочья?
Плач неверной души над покинутой плотью?
Это стон ниоткуда и взгляд никуда?
Это тьмы и сознания слепая вражда?

Птичий крик за окном – вековечная повесть.
Потемнела душа, обескровлена совесть.
Разгадать и понять его – труд бесполезный.
Полоснёт и растает он в прорве небесной.

Я когда-то пойму этот сумрачный выкрик,
Прилетевший из мрака на призрачных крыльях,
Я когда-то пойму, соглашусь и приму
И уйду вместе с ним в законную тьму.

Листья в конце октября

Погибающих листьев ажурные, ржавые свитки –
Перехвачены инеем, губительно чистой каймой,
Залоснились стволы, их корявые сирые слитки
В наготе коченеющей влажной покрылись сурьмой.

Тяжелы небеса, облака припорошены льдом.
И листва подноготная жмётся к земле оробело,
Но под северным ветром – роится, клубится столбом
и бредёт над землёй, как душа, что исторглась из тела.

Как бессилён и нежен тот жёлто-коричневый смерч,
Там, где капля дождя тяжелее свинцовой дробины,
Там, где полдень, как полночь, и с жизнью торгуется смерть,
Где его провожают зрачки воспалённой рябины.

В этом сумраке жизни, в этой вздрагивающей тишине,
В этих рваных пустотах в тени оголённых растений –
Есть особая ясность, особая точность прозрений,
Недоступная щедрому лету и звонкой весне.

Этих листьев октябрьских прощальный полёт в никуда...
Видно, стоило жить, чтоб пред тем, как исчезнуть бесследно,
Напоследок увидеть, как засеребрится вода
И замкнётся земля в ожидании первого снега...

Возвращение блудного сына

Блудный сын возвращается в дом, словно первый дождь,
Меж стальных челюстей зимы проскользнувший чудом.
Когда город трясёт нутряная, сырая дрожь,
Когда люди молчат, даже мысли лежат под спудом.

Блудный сын возвращается в дом, где кочуют сны,
Где сверкнёт под кроватью потерянный в детстве ножик.
Просто Бог ближе к людям в те первые дни весны,
Когда запах воды пролетит холодком по коже.

Блудный сын возвращается в дом – постоять у крыльца,
Для себя и для дождика дверь отворить пошире.
И зайти в полумрак, чтоб застать только тень отца,
для которого места нет в этом тесном мире.

Блудный сын возвращается в дом от пустых морок.
Попытаться распутать судьбы своей жгут, сплетенье.
Блудный сын – он уходит, отбив свой обычный срок,
Дабы вдруг не столкнуться впотьмах со своею тенью.

Он уйдёт, уж который раз, и сглотнёт туман
Его плоскую тень среди серых дождя прожилок.
И закончится дождик. И снова грядёт зима,
И вокруг ни души. Лишь незрячий полёт снежинок.

В этих глазах – река

В этих глазах – река. Волны и облака.
Мглистая глубина – зелень глазного дна.
Кажется – мрак слепой, в мире ни огонька.
Только свой зыбкий след льёт по волнам Луна.

В этих глазах – река, медленный шаг весла.
Плеск отдалённых волн, птиц отдалённый крик.
В этих глазах – покой, ровная гладь стекла –
Рябью сырой дождя может смениться вмиг.

Где я, зачем я здесь?...Лишь по воде круги.
Я напрягаю взгляд, я напрягаю слух.
Эти глаза – со мной, я посреди реки.
Только без них я зряч, с ними же – слеп и глух.

В этих глазах – река. Время стучит в висок.
В тучи ушла Луна. Дождь, на воде круги.
Мне бы вернуться вспять, время ушло в песок.
Только вот берегов нету у той реки.

Старый фотограф

Услужлив и смешлив, как старый арлекин,
привык он потакать безропотно, устало
всем тем, кто пожелал во что бы то ни стало
природу обманув, стать чуточку другим.

Как будто можно враз перекроить судьбу,
примерив взгляд чужой, как модную оправу,
наклоном головы снискать покой и славу,
в улыбке погасить тревогу и мольбу.

Он знает: объектив спокоен и упрям,
возьмёт-таки своё и всё переиначит –
сокрытое найдёт и ярче обозначит,
чужое – отметёт, убрав на задний план.

Вот щёлкает затвор, и световая нить
сплетается в узор затейливый и гладкий.
И сходит паралич (ну что же, всё в порядке,
всё позади и ничего не изменить).

Чего ж хотели вы? Ведь Время не лукавит,
Его не соблазнить тщеславной суетнёй.
Ни про запас, ни в долг ни пяди не добавит,
А лишь возьмёт своё холодной пятернёй.

И бестолку искать лазейку иль прореху –
Каморка чудака захожена до дыр.

И старый арлекин не страж и не помеха,
А преданный слуга и зрячий поводырь.

А впрочем, слишком слаб сиреневый глазок –
ему не углядеть сквозь позы и улыбки
грядущих перемен таинственные блики,
невидимой тропы, ведущей за порог.

Молитва Джона

Above us only sky...
John W. Lennon

Каким ты видишь мир, Всевидящий Господь?
Что видится с высот? Кишащий муравейник?
Слияние путей, бескрайний смерч мгновений
Иль суетных страстей кипящая щепоть?

Сплетение судеб – трепещущая тканьь?
Мерцанье душ живых, пульсация и блики?
Иль, может быть, чертёж, ажурный и безликий,
Меж разумом и тьмой зияющая грань?

Каким ты видишь мир в молочной мгле миров,
В глухом котле светил, бурлящем и бездомном?
Ты видишь ли меня зрачком своим бездонным?
Отмерил ли мой путь, спокоен и суров?

А может, там и здесь – одно. Различий нет,
Везде, куда ни глянь, – бессонный свод небесный?
И сонмище людей подобно звёздной бездне:
И те, кто жив ещё, и те, кого уж нет...

Эдуард УЧАРОВ

Родился в 1978 г. По образованию юрист. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Новая юность», «Нева», «День и Ночь», «Современная Поэзия», «Дети Ра» и др. Победитель Турнира поэтов литературной Универсиады в Казани (2013). Стихи переведены на сербский язык.

Лунатик

Как на лампаду, на небо дохнёшь –
погасишь звёзды, отвернёшься к стенке,
и, сном полурасстрелянный, начнёшь
цедить глагол оспатой ассистентке.

Она тебе сквозь тюль засветит в глаз,
и ты, словечки нанизав на рёбра,
на ловкое циркачество горазд,
карнизом ржавым пятишься нетвёрдо.

О, Господи, ты только не буди,
когда я черепицу разминаю,
ходи со мной по этому пути,
пока не приключится жизнь иная.

Тогда кульбиты будут так лихи,
так искренне прочертится глиссада,
ведь падать – это как писать стихи:
здесь притворяться и уметь – не надо.

* * *

Так ли объятья разума нам тесны?
Господи, господи – ты ли пророчишь сны?
Ты ли придумал грустного человека –
просто слепил из снега.

Веришь ли ты в гулкий комок тепла?
Тело его щедеушно, любовь светла –
глиняный стебелёк, бесконечная чаша,
подлая сущность наша.

Господи, господи – ты вот зевнул, а здесь
тысячелетия к нам продолжают лезть.
Ты вот моргнул – и кончились небеса,
звёзды колеблются, вламываются в глаза.

Так ли всё это, Господи, смерть и страх,
порох и мясо, вечности тлен да прах?
Звёзды колеблются – ими полны глаза,
битая чаша, острые голоса.

* * *

Свернёшь в декабрь – кидает на ухабах,
оглянешь даль – и позвонок свернёшь:
увидишь, как на наших снежных бабах
весь мир стоит, пронзительно хорош.

И вьюжная дорога бесконечна,
где путь саней уже в который раз
медведем с балалайкою отмечен,
а конь закатан в перевозанный наст.

Замёрзший звон с уставших колоколен
за три поклона роздан мужикам
и, в медную чеканку перекован,
безудержно кочует по шинкам.

И тянется тяжёлое веселье
столетьями сугробными в умах,
и небо между звёздами и елью
на голову надето впопыхах.

Подъезд

Бог не фраер, не лох, но весьма любознательный шкет:
он давно наблюдал втихаря, притворившись умершим,
как в прокисшем чаду, в этом грязном кирпичном мешке
нас, нахальных цыплят, становилось по осени меньше.

Кто ушёл на войну – умирать под чеченским селом,
кто допрыгнул до звёзд, разбежавшись по пьяни с балкона,
кто-то веру обрёл, получив кирпичом за углом,
и в психушке теперь добивает земные поклоны.

Нас подъезд воспитал и вскормил из бычковых сосцов
сладкой водкой свободы безумно дешёвого понта,
пацаны-старшаки нас пороли ремнём за отцов –
их отцов, не вернувшихся с фронта.

И я с лекций летел на безжалостный окрик свечи
в полутёмном пространстве Вселенной друзей-одногодок:
там обоймой кассет Доктор Албан нас насмерть лечил,
и калечил язык беглый говор обкуренных сходок.

...Что-то вспомнилось ныне, как плавилась дух и сердца...
Нас осталось немного – шепчу я светло и печально...
Свой рубец оставляет подъезд у любого жильца,
если ты не мертвец изначально...

* * *

Дятел – разведчик звука,
родственник молотка,
сколько ты мне отстукал
с проданного лотка?

Сколько, вещая птица,
голосу вышло жить?
Сколько мне слов приснится
и прислышится лжи?

Чёртова колотушка
присно пишушим в стол!
Скольким станет ловушкой
бьющее долото?

Проклятыми листьями
ты по вискам – в упор,
если стучать устанешь,
я подхвачу топор.

Письмирь

Словно в бычий пузырь, из автобусных окон глядишь,
от стекла оттирая давно поредевшую рощу,
где берёзами всласть напитавшись, молочная тишь
под корнями осин прячет кладбища грозные мощи.

Проезжаешь Письмирь – и становишься ближе к себе...
Через мост и холмы к полысевшему дому у речки
приникаешь лицом, подсмотрев как в былинной избе
мужичок обжигает в печи то горшки, то словечки.

Проезжаешь весь мир, а в глазах, как в подзорной трубе,
только узкая прорезь земли под бушующей высью:
вот распят электрический бог на подгнившем столбе,
вот сосна полыхает за полем макушкой лисьей.

Позади Мелекесс пух гусиный метёт в синеву,
он на спины налип – мы гогочем и машем руками...
Нас, поднявшихся в небо, наверно, потом назовут –
О-бла-ка-ми...

Ушкуйники

Окаменевшее слово бьёт в затылок:
первобытно-общинное, старо-берестяное –
под новгородской стеною
найденое новое слово,

наползающее, вместе с колёсной лирой,
тысячелетним скандинавским скрипом
по бесконечным струнам, медовым липам –
древнерусским ругательством неизвестным.

Все мы ушкуйники, все мы ворует правду –
русскую правду – вот она как живая:
свиток соломенный, истина дрожжевая,
памятник, вира на откуп богу.

Падшие буквы лучших наших сынов
волжской слезой проступают по Белогорью,
так комар наливается кровью
никогда не законченных снов...

* * *

Жизнь – застенчивый кузнечик,
разбегающийся в даль.
Прыгнет в небо человек
и исчезнет навсегда.

Только клеверная стела
прорастёт в тени крыльца,
и останется от тела
золотистая пыльца.

СОДЕРЖАНИЕ

Альбина	АБСАЛЯМОВА	4
Тимур	АЛДОШИН	8
Ларенс	БЛИНОВ	12
Галина	БУЛАТОВА	16
Нури	БУРНАЦ	20
Елена	БУРУНДУКОВСКАЯ	24
Лияна	ГАЗИЗОВА	28
Вагит	ГЕРЦАНОВ	32
Наиль	ИШМУХАМЕТОВ	36
Алёна	КАРИМОВА	40
Сергей	КУДРЯЦОВ	44
Денис	ОСОКИН	48
Филипп	ПИРАЕВ	52
Рустем	САБИРОВ	56
Эдуард	УЧАРОВ	60